

Всеобщая Библиотека.

ПРОГРЕССИВНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ.

ОПЫТЪ ЭТИКИ.

Томаса Фаулера
Б. проф. логики въ Оксфордскомъ Унивѣрситетѣ

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. Іогансона.

КІЕВЪ-ХАРЬКОВЪ.

ГЛАВА I.

Введеніе. Санкціі поведенія.

Всякій мыслящий человѣкъ согласится съ той истиной, что теоретическая и практическая нравственности совершаются вмѣстѣ съ общимъ прогрессомъ человѣческаго ума и цивилизациі. А если это такъ, то нравственность должна быть доступна разуму, должна служить предметомъ изслѣдованія и изученія, предметомъ, въ которомъ менѣе свѣдущіе адепты общества могли бы всегда учиться кое-чему у болѣе свѣдущихъ, а послѣдніе, въ свою очередь, должны безпрестанно разрѣшать новыя задача и запасаться новымъ матеріаломъ. Стало быть, вопросъ о томъ, какія данныя этики, каковъ методъ изслѣдованія ея основныхъ принциповъ, къ какимъ соображеніямъ долженъ прибѣгнуть моралистъ при решеніи затрудненій, усложняемыхъ жизнью и дѣлами — этотъ вопросъ долженъ быть на первомъ планѣ у всякаго образованнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, этическое изслѣдованіе или всякое стремленіе освѣтить современную нравственность никогда не пользуется популярностью у большей массы людей. Хотя ихъ поведете болѣе всего должно беспокоить всѣхъ другихъ, его оставляютъ вѣнѣ критики или наблюденія. Ничто такъ не уязвляетъ самодовольство беспечнаго человѣка, какъ сомнѣніе въ тѣхъ принципахъ нравственности, сообразно съ которыми онъ живеть. Похвала и порицаніе раздаются даже изъ устъ образованныхъ людей, согласно съ невыясненными общими правилами, мало или почти не касающимися индивидуального положенія дѣла. Новаторъ этической теоріи скорѣе прочихъ новаторовъ можетъ стать непопулярнымъ, и онъ менѣе всего можетъ защищать свои мысли отъ пристрастнаго наблюденія. А отсюда слѣдуєтъ, что систему философії обыкновенно составляютъ неопределенные теоріи, изложенные непонятныемъ или мало понятныемъ языкомъ и никогда непримѣнимыя на практикѣ. Авторы такихъ теорій, съ одной стороны, избѣгаютъ ненависти, съ другой пользуются рѣпутацией глубины.

Теперь я постараюсь: 1) отличить собственно нравственность отъ другихъ санкцій поведенія; 2) выяснить опредѣленную дѣятельность и окончательное оправданіе нравственного чувства или, иначе говоря, санкціі нравственности 3) опредѣлить, какъ это чувство формировалось, и какъ возможно его дальнѣйшее воспитаніе и улучшеніе; 4) указать насколько общихъ мѣриль поведенія; 5) дать примѣры приложенія этихъ мѣриль къ существующимъ нравственнымъ правиламъ и чувствамъ нравственности, чтобы увидѣть, насколько возможно ихъ оправданіе, и въ какихъ распространеніяхъ и измѣненіяхъ они нуждаются. Такъ какъ я преслѣдую исключительно практическую сторону, то постараюсь воздержаться отъ теоретического затрудненія, какимъ является вопросъ о свободѣ воли, который, въ какую бы сторону не разрѣшался онъ, вѣроятно, никогда не повліяетъ на поведеніе человѣка съ здравымъ умомъ. Подобные вопросы будутъ всегда вызывать интересъ въ области изслѣдованія, которое необходимо для развитого человѣческаго ума. Но мнѣ кажется, что ихъ разсмотрѣніе въ трактатѣ не можетъ быть полезнымъ, такъ какъ послѣдній предлагаетъ лишь изслѣдовать и подвергнуть критикѣ принципы, а, если возможно, воспитать чувство къ предметамъ практической нравственности. Начнемъ съ первого отдела моего предмета: какъ отличить собственно нравственность отъ прочихъ санкцій поведенія? Я долженъ замѣтить, что подъ санкціей я подразумѣваю, съ одной стороны, удовольствіе, привлекающее силой источника, съ другой — страданіе, уклоняющееся отъ данного дѣйствію пути. Въ книгахъ законовѣдѣнія слово

это обыкновенно употребляется лишь для обозначенія страданія иди наказанія; оно является слѣдствіемъ того обстоятельства, что въ новѣйшее время законъ рѣдко прибѣгаетъ къ наградамъ, а достигаетъ своей ЦЕЛИ исключительно наказаніемъ. Разматривая поведеніе въ его общихъ формахъ, а не исключительно по отношенію къ закону, мы должны имѣть слово для выраженія всякаго побужденія — пріятнаго или непріятнаго — вліающаго на дѣла человѣка. Такимъ словомъ является, по-моему, «санкція». Слово это въ обширномъ смыслѣ — санкціи поведенія — различаетъ санкціи: физическую, легальную, соціальную, религіозную и нравственную.

Обыкновенно примѣры физической санкціи можно видѣть въ головной боли послѣ ночной оргії, въ удовольствіи отдыха заслуженного въ праздникъ, въ сознаніи опасности для жизни или отдельного органа во время опрометчивыхъ упражненій, въ чувствѣ постоянного удовлетворенія. Эти, разъ испытанныя удовольствія или страданія, имѣютъ впослѣдствіи вліяніе на направленіе поведенія, съ которымъ они тѣсно связаны. Человѣкъ, который, напр., испыталъ сильную головную боль послѣ ночной оргіи, вѣроятно, впослѣдствіи будетъ уже болѣе остороженъ, или ожиданіе пріятнаго развлеченья послѣ рабочаго дня ободряеть человѣка къ дальнѣйшему труду. Легальная санкція требуетъ разъясненій. Безъ уголовныхъ законовъ — общество, болѣе или менѣе значительное, не могло бы просуществовать ни дня. Различаютъ двѣ характеристическихъ черты этой санкціи. Одна дѣйствуетъ исключительно путемъ наказанія. Если бы болѣе или менѣе значительномъ обществѣ и возможно было наградить добродѣтельныхъ людей изъуваженія къ нимъ за соблюденіе закона, то попытка такая дала бы въ результатѣ безконечность и неблагодарность. Единственный путь — наказывать преступниковъ; это, по большей части, дешевый и вѣрный путь. При строго обдуманной и точно разграниченной системѣ наказаній, всякий гражданинъ поэтому старается обуздывать свои поступки, могущіе нанести вредъ или причинить беспокойство его сосѣду. Другая характеристическая черта легальной системы, имѣя въ виду всѣхъ гражданъ безразлично, на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ болѣе на необразованные и низшіе классы общества, чѣмъ на образованные и высшіе. Обстоятельство это слѣдуетъ отчасти изъ того факта, что лица, пользующіяся удобствами жизни, менѣе подвержены соблазну совершать наиболѣе частыя преступленія, оберегаемыя закономъ, каковы: воровство, самоуправство и др.; отчасти же изъ того факта, что ихъ воспитаніе и положеніе въ обществѣ дѣлаютъ ихъ болѣе отвѣтственными предъ соціальной и, по большей части, предъ нравственной и религіозной санкціями, описаніемъ которыхъ мы теперь займемся.

Немногіе изъ такъ называемаго высшаго или средняго класса подвержены соблазну совершить, скажемъ, воровство, и если-бы даже у нихъ было такое побужденіе, то, вѣроятно, удержались бы отъ подобнаго поступка, какъ при мысли о томъ, что подумаютъ или скажутъ ихъ сосѣди, такъ и при мысли о тюрьмѣ: обѣ ихъ личныхъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ я уже не упоминаю.

Одной изъ наиболѣе существенныхъ санкцій лицъ всякаго положенія, по преимуществу же, лицъ высшей и болѣе образованной сферы цивилизованного общества — является такъ наз. соціальная санкція, т. е. желаніе славы и боязнь порицанія тѣхъ, которые знаютъ насъ, главнымъ же образомъ тѣхъ, среди которыхъ живемъ. Одна изъ отличительнейшихъ чертъ этой санкціи та, что она идетъ гораздо далѣе, чѣмъ легальная санкція. Она вліяетъ не только на нравственные поступки характера, допускаемые во многихъ странахъ легальной санкціей, какъ: ложь, клевету, неблагодарность, оскорблениѣ, малодушіе, но также на вкусъ и манеры, какъ одежду, этикетъ и даже рѣчъ. Положимъ, что къ послѣднимъ поступкамъ

соціальна санкція относиться слишкомъ строго. Общество готово требовать, чтобы всѣ люди были одного покроя, не заботясь, однако-жъ, о его характерѣ. И часто выходитъ, что соблюденіе правилъ этикета и благовоспитанности ставится гораздо выше поступковъ и чувствъ, которыя, несомнѣнно, вліяютъ на нравственное и соціальное благосостояніе человѣчества. Поэтому, человѣкъ изъ хорошаго общества охотнѣе согласится на обвиненіе его въ оскорблениі и лжи, чѣмъ быть въ немодномъ платьѣ, или сдѣлать грамматическую ошибку или, наконецъ, пренебречь общественнымъ этикетомъ. Такой человѣкъ предпочтеть упрекъ въ безсердечности или равнодушіи къ нравственности—обвиненію въ простотѣ. Въ такихъ случаяхъ соціальная санкція, какъ далѣе выяснится, должна быть исправлена путемъ нравственной и религіозной санкції, и главная обязанность соціального и религіозного учителя — заботиться о томъ, чтобы каждое поколѣніе надлежащимъ образомъ проводило эти исправленія. Пожалуй, что для такой обязанности нужна, по временамъ, надежная рука нравственного или религіозного реформатора, но ежели никто не рѣшается на это дѣло, намъ угрожаетъ опасность пренебречь самой существенной стороной закона, будучи заняты лишь манерами да этикетами. Но, даже въ виду опасности преувеличенія или злоупотребленія соціальной санкціей, нельзя усомниться въ ея важности и вообще благодѣтельныхъ результатахъ нашей проницательности къ мнѣнію нашихъ сотоварищей. Безъ помощи этой санкціи, соблюденіе требованій нравственной и религіозной санкцій часто оказались бы бесполезнымъ.

Соціальная санкція можетъ быть названа закономъ чести, когда она дѣйствуетъ не на все общество, а на отдельныя его части. Въ сложномъ и цивилизованномъ обществѣ, какъ, напр., въ нашемъ, могутъ быть нѣсколько законовъ чести, и одинъ и тотъ же индивидуумъ можетъ подчиняться нѣкоторымъ изъ нихъ. Всякія, напр., сословія: армія, флотъ, духовенство, юристы, медики, артисты, актеры — имѣютъ свои специальные кодексы законовъ чести или правила профессионального этикета, нарушение коихъ влечетъ за собою удаленіе или, въ меньшей мѣрѣ, потерю профессиональной репутаціи. То же явленіе мы видимъ въ торговлѣ, а именно въ торговыхъ союзахъ или ихъ средневѣковыхъ первообразахъ — гильдіяхъ. Коллегія или школа, опять же, имеютъ свои правила и традиціи, которыя и учитель и ученикъ могутъ нарушить съ величайшей для себя опасностью. Почти каждый клубъ, институтъ и общество даютъ намъ примѣры закона чести. Классъ gentlemen'овъ или, другими словами, представители средняго класса общества имѣютъ собственный кодексъ законовъ чести, который они ставятъ выше такового у другихъ гражданъ. За несоблюденіе правилъ этого кодекса можно обвинить скорѣе въ отсутствіи джентльменности — nngentlemanly, — чѣмъ въ несправедливости, безнравственности или грубости. Посколько эта кодексъ соблюдаєтъ вѣжливость въ обращеніи или деликатность чувства и поведенія, онъ является цѣннымъ дополненіемъ къ общимъ правиламъ нравственности; но отсюда вовсе не сдѣлывается, что онъ долженъ принадлежать исключительно одному классу, — напротивъ, онъ долженъ стать общимъ и для тѣхъ классовъ, которые въ настоящее время, какъ полагаютъ, лишены его. Во всякомъ случаѣ, мы находимъ въ этомъ кодексѣ и такие пункты, которые подлежатъ новому разсмотрѣнію — напр.: соблюденіе «долга чести» стоитъ выше уплаты по счету; съ лицами низшаго класса можно быть менѣе вѣжливыми въ обращеніи. Словомъ, что касается всѣхъ законовъ или кодексовъ законовъ чести, слѣдуетъ замѣтить, что, не отрицая за ними вліянія на поддержаніе образцового поведенія въ различныхъ слояхъ общества, гдѣ законы эти приняты, за ними нужно постоянно наблюдать изъ опасенія, какъ-бы они не сдѣлались капризными и деспотическими, и, въ особенности, какъ-бы они не пошли въ разрѣзъ съ

общественными интересами или чувствами нравственности. Должно помнить, что мы «люди» раньше чѣмъ «gentlemen'ы», и что правила сословія, учрежденія или класса не могутъ замѣнить или вытѣснить права человѣчности и гражданственности. Итакъ, мы видимъ, что, при настоящемъ положеніи нашего предмета, для соціальной санкціи нужна рука моралиста - исправителя, независимо отъ того, происходит ли она отъ средняго состоянія нравственного чувства или отъ обычаевъ и мнѣній отдѣльныхъ агрегатовъ общества. Чувство это, можетъ быть выраженіемъ человѣка средняго нравственного состоянія или даже человѣка ниже средняго, нужно испытать, примѣня его къ правиламъ, выводимымъ изъ идеальныхъ требованій чувства и разума. Правда, соціальный идеалъ можетъ быть исправленъ не однимъ только нравственнымъ. Той же цѣли можно достигнуть путемъ легального идеала. Въ виду того, что законы отдѣльной страны выражаютъ чувства мудрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ гражданъ, то вполнѣ естественно, чтобы они опередили среднее нравственное чувство народа, равно какъ и общественные традиціи отдѣльныхъ сословій и классовъ. Дѣйствительно, сравнимъ законы и народныя или профессиональныя чувства по отношенію къ подкупамъ при выборахъ къ контрабандѣ, къ уклоненію отъ уплаты податей, долговъ, къ банкротству, къ дуэли, къ кулачному бою или, наконецъ, къ страсти къ играмъ. Должно также согласиться, что законы теченіемъ времени, старѣются, и направлениe законовѣдовъ принимаетъ консервативный характеръ, что влечетъ за собой превосходство средняго нравственного чувства надъ закономъ. Итакъ, соціальная санкція примѣняется для исправленія легальной санкціи.

Отличная отъ всѣхъ прочихъ санкцій — санкція, происходящая изъ нашихъ размышеній надъ собственными же поступками и изъ ихъ одобренія или неодобренія послѣ такихъ размышеній. Здѣсь мы видимъ такие поступки, которые приносятъ удовлетвореніе или вызываютъ сожалѣніе. Стало быть, эти чувства составляютъ такъ-наз. нравственную санкцію, въ узкомъ значеніи этого слова.

Ея отличіе отъ всѣхъ прочихъ санкцій поведенія заключается въ томъ, что она относится пассивно къ физическому удовольствію или страданію, не ожидаетъ награды, не боится наказанія, не дорожитъ чужимъ мнѣніемъ, но останавливается на внутреннемъ чувствѣ удовлетворенія или неудовлетворенія, съ которыми мы, послѣ ряда размышеній, оглядываемся на наши поступки.

Доводъ въ пользу необходимости науки о нравственности: ни одна религія, даже христіанская, не касается своими заповѣдями всей области нравственного поведенія; слѣдовательно, для тѣхъ частей поведенія, которыхъ не усмотрѣны религіей, нужно самостоятельное изслѣдованіе.

Съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственность получаетъ со стороны религіи сильное подкрѣпленіе и побужденіе, равно какъ нѣкоторую неприкосновенность.